

3-332-H

238616

V.N. Karazin Kharkiv National University

00554822

0

САМОРОЖСКИ

ПАТЗДЫ

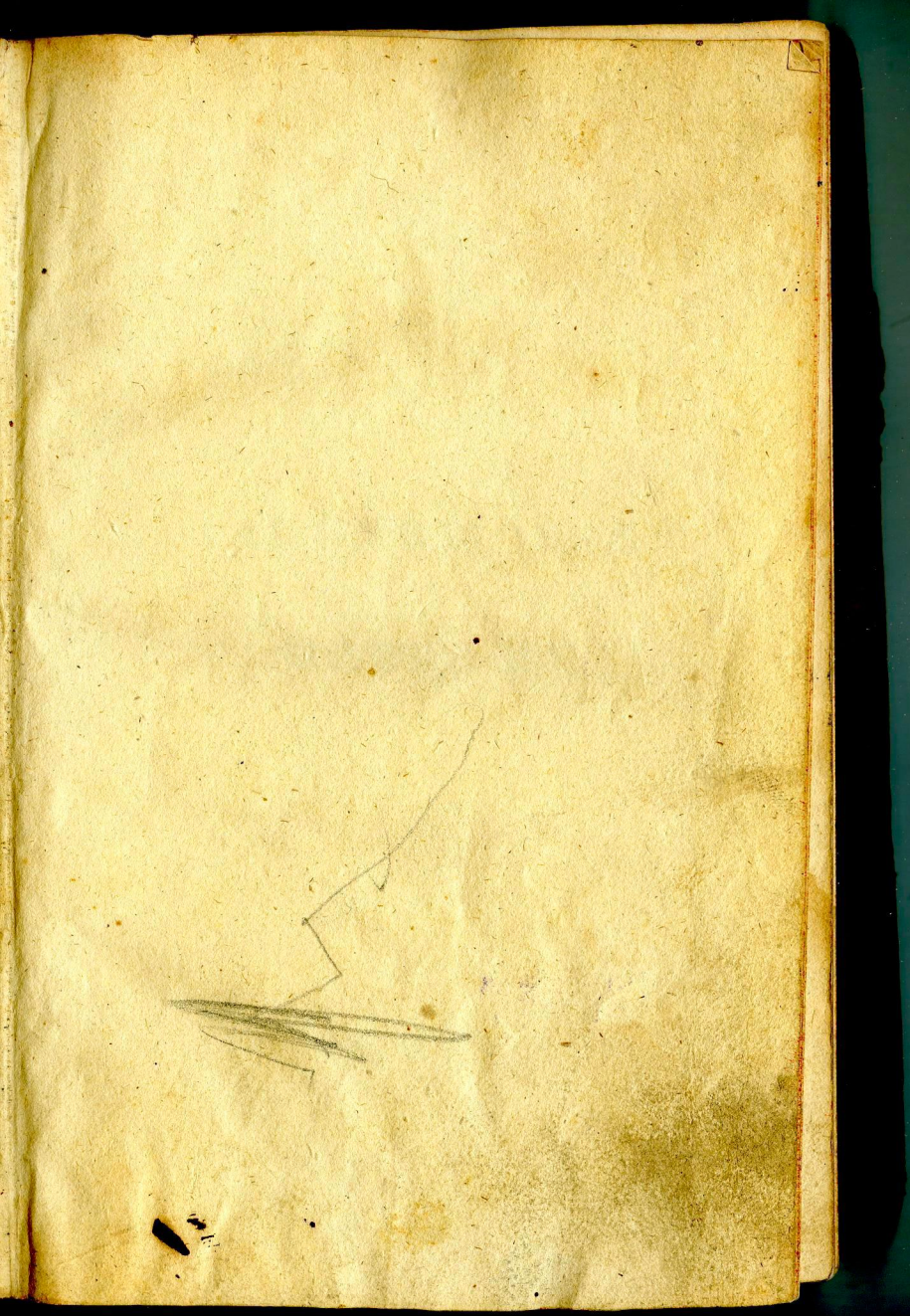

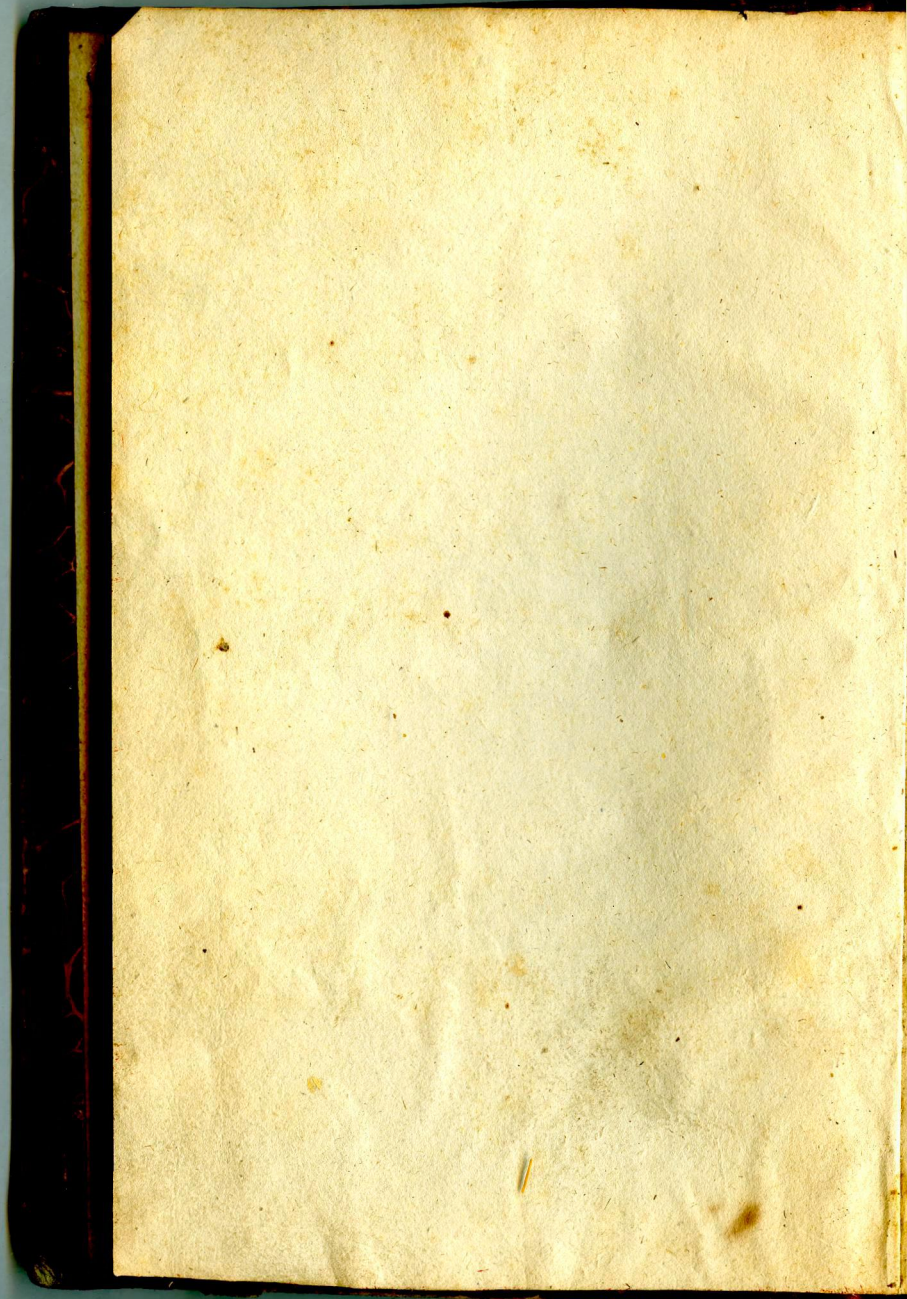
115

20-

ЗАПОРОЖСКІЕ

НАВЗДЫ.

W

1850

1850

1850

1850

~~Д 120-3.11~~ 3-332H

ЗАПОРОЖСКІЕ НАЪЗДЫ.

УКРАИНСКАЯ БЫЛЬ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЬ ГЕТЬМАНЩИНЫ.

Соч. А....ра .....вскаго.

Часть I.

А по переду иде дорошенко,
Веде свое войско,
Веде Запорожско,
Хорошенько!...

Малороссійская пѣсня.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по отпечатаніи предспавле-
ны были въ Ценсурный Комитетъ три экзем-
плара. Москва. Августа 7 дня 1836 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ОТЪ АВТОРА.

Желая передать повѣсть жизни наѣздника Украинскаго, столь много любившаго свою отчизну и свои обыряды въ звукахъ, близкихъ его родному краю, я не нахожу необходимости открывать въ полномъ, обширномъ объемѣ цѣль Историческихъ, современныхъ событій. Очерки, сообразные съ духомъ времени и касающіеся собственно до жизни Украинца—вопль цѣль моя; а потому и ласкаю себя надеждою, что благосклонный чипа-

пемъ не будетъ пребовать въ мо-
емъ прудѣ, не собственно историче-
скомъ, слишкомъ спрогой опчепли-
воспи.

А . . . . . скій.

ГЛАВА I.

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Плыветъ пустынная рѣка.
На знойной выси поднебесной
И на долинь бездревесной
Все тихо.... Только свистъ сурка!

. . . . .

Тутъ миловидно по ночамъ
Огни у пасырей пылающъ
И вдругъ на крикъ спорожевой
Спаницы псовъ степныхъ залаютъ!

Ө. Глинка.

- Гей Карпенко!
- Кто шамъ?...
- Иль не узналъ? Далеко наши?
- У горьлаго дуба.

— А далеко ль до дуба?

— На воловій рыкъ.

— А гдѣ кони?

— За оврагомъ.

— А чпо за огни у лѣсу?

— Табуны сперегушь.

— Спало до Панскихъ хоромъ не далеко?

— Половина доброй мили.

— Скорѣй бы на коней, да и къ лису.

— Тссь!... Тише!...

Такъ перекликались два грубые голоса на пущынной полянѣ за нѣсколь-
ко миль опѣ Жишомира. Была глухая
полночь. Глубокая темноша до такой
спешени одѣла всю окресннюю приро-
ду, чпо на при шага не возможно бы-
ло разсмотрѣть челоуѣка, и только
слабый опблескъ огня, разложеннаго
спорожевymi Панскихъ шабуновъ, въ

сумрачной дали, какъ фонарь, спущенный на дно глубокой пропасти, разливалъ красноватую полосу свѣта, въ копорой отражалась движущаяся фигура чловѣка съ блестящимъ швомъ винтовки.

Но съ кѣмъ происходилъ лаконическій разговоръ, того не лзя было разгадать до тѣхъ поръ, пока на свѣтлой полосѣ не появился еще движущійся образъ чловѣка, копорый велъ за собою лошадь и приближался къ первому.

— Экая шемь!» сказалъ первый голосъ. «Ни въ одно лѣпо такой ночи не бывало. Еслибъ какой лѣшій успавиль гвоздь прошивъ глаза, по не опвернешься, пока не почувешь другой конецъ въ запылкѣ. Эпо шы Спремчукъ?»

— Я. Неужели ты не узналъ меня?

— Какъ не узнать. А правду скажешь, шеперь и пень обгорѣлый примешь за нашего брата казака. Откуда примчалъ тебя въперъ полуночный?

— Откуда? Въспимо не съ неба, а прямо изъ хапы.

— Развѣ изъ-подъ хапы. Тебя не видно было при дни въ нашемъ спешномъ кочевѣ.

— А хошь бы и при недѣли. Про то самъ куренной Гонша знаетъ, кого куда посылаешь.

— Куда жъ онъ посылалъ тебя?

— Понюхашъ, не пахнетъ ли гдѣ саломъ, не звѣняшъ ли гдѣ Панскіе гроши намъ на горѣлку. Вошъ изъ Запорожья выѣхали другой мѣсяць, а грошей не бардзо много; да врядъ

ли и самъ батько Палѣй * насъ богаче.

— Ну, добрался-жь до Панскихъ грошей?

— Ни, брашенько!

— Чшо-жь? Аль напикнулся на жолнеровъ? **

— Эхъ, брашенько, не шо, чпо Жолнеры, кули имъ въ ребра; а своя дурь совсѣмъ было стубила!

— Якъ же шо, Расскажи, брате; сядемъ вонъ шамъ у кургана.

— Да якої шамъ вражій курганъ? Я синяго пороха въ глазу не вижу. Еще пожалуй шырнешь гдѣ нибудь въ омушъ ни за шелегъ волкамъ на ужинъ!

* Палѣй, наѣздникъ Украинскій, ужасъ враговъ и начальникъ вообще всей Украинской вольницы. Казаки изъ чрезвычайнаго уваженія и любви называли его *батькою*.

** *Zolneri*—Польскіе солдапы.

— Не бойся, спущай за мною; я зажмуря глаза проведу тебя кругомъ Жипомира миль на полеша, або и больше.

Послѣ сихъ словъ, два казака поплылись другъ за другомъ вдаль пустынной луговины. Густая пруда, волнующая легкимъ вѣтромъ, доспавала имъ до колѣнъ и удерживала на ходу. Наконецъ добрались они до высокаго холма, копорой былъ похожъ на огромную массу скалы, какъ бы опорванную на Сѣверъ могучей рукою и переброшенную въ Южныя степи, на край глубокаго оврага. Устѣвшись на пологомъ успутъ холма, казаки продолжали разговоръ свой.

— Ну говори же, брате, » сказалъ Карпенко, поглаживая усы. « Сказывай про свою биду. »

— А вошть якая беда, друже. Ты добре знаешь, что мнѣ по ту споро-ну Жишомира всѣ поля и дороги, какъ въ слободкахъ бабьи хапы, знакомы. Вошть и поѣхалъ я по наказу куреннаго поразвѣдашь около Панскихъ хоромъ, чшобъ было гдѣ Украинской вольницѣ невода запусшишь. Обѣхалъ я всѣ припоны. Проклятые Ляхи припайлись, какъ мухи къ морозу. Вездѣ шихо! Дошло до полуночи. Ёду все дальше и дальше спенью. Пришла такая глушь и мѣспа, совсѣмъ не знакомыя. Вдругъ вижу подъ горой спроеіе, въ оконни-цахъ огни шакъ и горятъ. Вѣрно хоромы какого ни на ешь Ляха пога-наго, подумалъ я. Дай подойду, авось что нибудь замѣчу на щасъе. Сказа-но — сдѣлано! Привязалъ коня за куспомъ, иду шихомолкомъ спороною; глядъ, споишь передо мной какой-то че-

ловѣкъ, съ головы до ногъ закупанъ; поспоялъ прохи, и бухъ въ ноги!—Здорово поживаши Пану Гайдамаку!—записалъ проклятый. — Я всматриваюсь. Жидъ окаанный, какъ нечистый духъ, изгибаеся передо мною.—Добро позаловашь; мы же васъ только и здали. Въ Панскихъ хоромахъ казаки, ваша брашья, пируютъ, а Ляхи все въ колодцѣ хлебають воду.—Съ диву дался я словамъ Жида. Спрашиваю: давно-ли нагрянула вольница къ Пану въ госпи и кпо привелъ ихъ шуда?—Панъ Палый привелъ ее еще до пѣшуховъ,—опѣвчалъ Жидъ.—Спупай, Пανε, не мѣшкай, прямо въ вороша. Тамъ на дворѣ много вашей брашья казаковъ разбиваютъ боцки съ горѣлкой.—«Вѣрно шупъ и мнѣ будетъ попойка, подумалъ я»—Бапъко Палый любитъ угощать вольницу.—Иду я къ ворошамъ, вижу, на дворѣ

свѣшлехонько, а казаки, подгулявши, шпакъ шумяпть, чпо ничего не разберешъ. Вхожу на дворъ. Около большихъ споловъ за корчагою съ виномъ сидяпть человекъ съ двадцать, и шакое разгулье, чпо пыль сполбомъ!... Я взглянулъ хорошенько. Уфъ!... словно кпо меня огрѣлъ по лбу нагайкой. Сидяпть не казаки, а прокляпые Ляхи!...

— И вѣрно всѣ пьяны!... Чпожъ? Тупъ бы и колошипъ шебъ окаянныхъ.

— Нѣпть, брашенько; бѣсъ ихъ знаешъ, много ли на хупоръ всей сволочи. Пожалуй, за разъ положишь и свою голову. Видя бѣду неминучую, я вернулся назадъ. Поганцы ужъ примѣшили меня, и пошла сумашоха!... Копорые попрезвѣе, вскочили и шолпой бросились за мною, а другіе побѣжали въ конюшню за лошадьми. Слава

Богу, ноги мои (видно опъ того, что хмѣль не подкосилъ ихъ) удружили мнѣ. Я добѣжалъ поспѣвая до моей лошади, сѣлъ на нее, — и поминай, какъ звали казаченьку!... Но шутъ-то и горе мое, брата. Лишь только я проскакалъ съ четверть мили, вдругъ конь мой бухъ въ глубокой оврагъ и вмѣстѣ со мною. Въ самомъ паденіи я слетѣлъ съ коня и покапился кубаремъ внизъ, больше ничего не помню. На разсвѣтъ я пришелъ въ себя, выползъ кой-какъ изъ оврага, гдѣ оспалась мершвая лошадь моя, и не могъ вспавъ на ноги.

— Экъ употчивалъ себя Жидъ проклятый, Ну, да самъ виноватъ; разинулъ ротъ бисову сыну.

— Что дѣлаешь, братъ. Чтوبъ не даромъ доспаешься Ляхамъ, если они набьдуть, я зарядилъ мои пистолеты

и ожидалъ смерти; но черезъ часъ показалась изъ-за лѣсу соння казаковъ и съ ними кпобъ ты думалъ?... Нашъ добрый бапъко Палый! Онъ, дай Богъ ему здоровье, спасишь мой!—далъ мнѣ лошадь, взялъ меня съ собой, отвезъ къ знакомому паспуху и велѣлъ беречь меня, какъ правое око. Цѣлые сунки лежалъ я у добраго паспуха. Вчерась, слава Богу, почувалъ въ себѣ легкость; и сѣвши на даренаго коня, поѣхалъ домой. Приѣзжаю ночью въ спойбище; гляжу, у насъ пусымъ пуспехонько; спрашиваю спорожеваго: гдѣ наша соння? Говорить: уѣхали всѣ на ту спорону. Куренный апаманъ нашъ Гонша поѣхалъ гораздо раньше, а ввечеру и козаки,—вишь очищаютъ чьи-то Панскія хоромы. Приѣзжаю сюда. Такая шемъ, того гляди, оляшь переломашъ ребра.

Гдѣ найши нашихъ? Да къ счастью пы замурлыкалъ пѣсню. Я узналъ тебѣ по голосу; гаркнулъ, а пы и опоздався! Ну скажи теперь, брате, до кого вы добираетесь?

— А вошѣ чпо, пріятель: сегодня по упру, безъ куреннаго ашамана, прѣзжалъ къ нашему кочевью спарикъ, богашый Ляхъ, и просилъ Эсаула Халенку, чпобъ онъ повелъ съ нимъ слово. Долго говорилъ съ нимъ Халенко. Попомъ созвалъ насъ и сказалъ: чпо эпопѣ богашый Ляхъ называется Панъ Владиславъ Варницкій; хоромы его опсюда за милю. Эпопѣ Варницкій далъ на сопню нашу скринку золопа, да прикапилъ при бочки сала, да одну горилки. За чпо бы пы думалъ? За по, чпобъ мы вспряхнули Пана Прокопія Лодомирскаго!

— Лодомирскаго ? — эшого богача, копорый въ Бапуринѣ угощаль нашего Эсаула Ворошенку? Эшо добрый Пань!

— Да, его, браще. Намъ все равно. Вошъ мы къ ночи собрались, поѣхали. Хоромы его опісюда слишкомъ на полмили, а на воловій рыкъ шуда къ низу есть еще оврагъ. Тамъ наши оставили коней, у горѣлаго дуба легли опдохнушь и подождать до начина дѣла, а меня и другихъ разспавили кругомъ по посшамъ; до перваго свиста, чшобъ потчасъ собиращься. Да вошъ въ чемъ дѣло: хоромы Лодомирскаго обнесены крѣпкими спѣнами и рвомъ; на спѣнахъ много пушекъ; а холопей, холопей — пѣма пѣмущая! Ну хопъ съ эшой челядью и можно справишься, а спѣны лбомъ не прошибешь; мало пѣсячи....

— Спало бышь напрасно и коней сѣдлали, брашенько.

— Нѣпъ, не напрасно. На нашу згону, сегодня у Пана праздникъ. Ляховъ нагрязнуло, я чаю, видимо не видимо; вороша всѣ опворены и моспъ опущень. Теперь мы ждемъ до прешьяго часа, какъ вся челядь понапьемся и поразгуляемся. Мы нагрязнемъ, какъ снѣгъ на голову. Сперва съ ними погарцуемъ, послѣ разобьемъ сундуки, перерѣжемъ Пановъ (а самого Лодомирскаго бишь до смерти не вельно); попомъ запалимъ со всѣхъ споронъ хоромы; а дочку Панскую посадишь на коня, да прямо опвезешь въ ночи же къ Пану Варницкому.

— А на кой бись она ему, спарому дьяволу?

— Не ему, а сыну его Игнашью.

Вишь онъ хотѣлъ женишь его на Паночкѣ. Лодомирскій опдаваць и не думаець. Спарика и молодаго взяло зло. Вошь и запѣяли дѣло. А чпобъ все сложишь на нашу вольницу, и давай Халенкѣ бишь челомъ; да онъ парень-шо у насъ лихой; говоришь: эпошь-де прокляпырь Варницкій больно богашъ, а Царю Русскому, Православному не хочешъ служишь, какъ нашъ бацько Палый и вся наша Украйна служишь ему Петру Великому. Дай Богъ ему долгіе вѣки!... (снимаетъ шапку и крестится.) А вишь онъ, эпошь супосшаць Варницкій, не поддается и Королю спарому, а давай ему новаго. Такъ вошь нашъ Халенко сказалъ кой кому подъ рукою: чпо де нынче поживимся у одного Ляха, а завпра загуляемъ и къ спарому бису; да на осину предашеля!... Вишь всѣ

поганцы, перемешчики — одно собачье мясо, окромъ того, чпо....

Въ эту минушу раздался свистъ!

— А!... Вотъ товарищи подають голось къ сбору. Бери коня, брашенько, да спускай за мной, чпобъ не сплкнушься. Живѣ!

Оба казака пошли внизъ съ холма на луговину, и обошедши первый оврагъ, дошли до возвышенія, на которомъ стоялъ горьлый дубъ. Здѣсь всѣ были ужъ на лошадяхъ, и Халенко долго спрашивалъ казака, посланнаго для развѣдовъ, а потомъ обратился къ соннѣ.

— Брашеньки, » сказалъ онъ всѣмъ, «Ляхъ, бисовъ сынъ, видно захирѣлъ, чпо опложилъ вечерницу. Воропа его запершы бардзо крѣпко, часовые кругомъ, мосшы подняшы и огней не видно. Вишь будетъ пированье завпра. Ну,

бисъ бивъ бы его башьку! Завпра опъ
нашихъ рукъ не увернепся. Помо-
лясь, ѣдимъ до мѣспа!

Всѣ казаки повѣсили головы. Охо-
та порѣзавъ Ляховъ сильно щекоша-
ла имъ руки; но дѣлапъ было нечего.
Поворопивши коней, они съ пихими,
унывными пѣснями поѣхали назадъ: одни
въ досадѣ, а другіе съ швердой надеж-
дой на завпрашнюю добычу.

ГЛАВА II.

ПАНСКАЯ ВЕЧЕРНИЦА.

Свѣшелъ шеремъ Царь-Дѣвицы,
Блещетъ златомъ и серебромъ;
Дѣвы бѣлыя — колпицы
Сперегуть его кругомъ!

. . . . .

Всѣ поюпъ, и съ ними въ ладъ
Чѣи-то гусли невидимкой
Въ чудномъ шеремъ звучашъ!...

А. Подолинскій.

Вопъ и къ нашему Пану наѣхала
тѣма тѣмущая Ляховъ!...

Ө. Булгаринъ.

Яркіе огни въ окнахъ, разливавшіе
радужныя пѣни по широкому двору
замка Пана Лодомирскаго, на слѣдующую
ночь были доказательствомъ наспу-

пающаго пиршества. Тяжелые желѣзные вороша были распворены, подъемный мостъ опущенъ; проспектъ опъ воропъ до хоромъ и колонада великолѣпнаго крыльца иллюминированы. Множесство экипажей богатыхъ Пановъ, наѣхавшихъ на пиръ, заняли большую половину двора. Вездѣ отражался свѣтъ опъ висящихъ разноцвѣтныхъ фонарей, исключая сада, въ копоромъ, по причинѣ сырой погоды, не предполагалось никакихъ увеселеній. Эпопъ садъ былъ чрезвычайно обширенъ и густъ. Примыкая съ одной спороны къ споловой залѣ, находящейся въ задней части спроенія, а съ другой проспираясь до самаго рва, онъ былъ обнесенъ деревянной рѣшеткою, и у калишки находился задній подъемный мостъ, успроенный для прогона въ замокъ Панскихъ пабуновъ, находящихся

ся въ степи на подножномъ корму. При наспоющемъ празднествѣ эпопъ моспъ былъ также опущенъ, и на лу-гу, по шу спорону рва, гуляла спани-ца верховыхъ лошадей, на коихъ при-ѣхали холопья, соспавлявшіе конвой Па-новъ, съѣхавшихся на празднество. Эпопъ шабунъ охраняли два надвор-ные казака. *

На переднемъ дворѣ, поодаль отъ параднаго крыльца, былъ поспавленъ широкій дубовый столъ со скамьями кругомъ, а подлѣ него выкачена боль-шая, покрытая краснымъ сукномъ, за-печатанная бочка съ горьлкой, копо-рая во время ужина ясновельможныхъ Пановъ, по данному сигналу, должна бы-ла откупориться, чшобы уполишь

* Вольные казаки, содержимые Польскими помѣ-щиками на *zold*, ш. е. жалованъ.

жажду ихъ челяди. Уже множесство праздныхъ холопей, усѣвшись полною на столъ и скамьяхъ, съ шумными разговорами дожидались въ сладоспной надеждѣ Пана кравчаго и эконома; но до назначеннаго времени было еще долго.

Вдали опть толпы, на спупеняхъ крыльца, сидѣли шрое холоповъ, принадлежавшихъ самому Пану Лодомирскому, и съ ними молодой Шляхшичъ, находившійся по бѣдности у одного приѣзжаго Пана въ холопской должноти. Они всѣ, по видимому, были коропшкіе пріятели между собою.

— Экъ нашъ Панъ развернулся! — сказалъ одинъ изъ холопей. — До того разыгралось сердце, что не пожалѣлъ любимаго лебедя, и того приказалъ на блюдо. Ужъ посмопрѣлъ я на поварня, какъ разукрасили его; развязали

ленпами; только бы сморщить, а не в ропъ нести!

— А позабылъ про быка съ раззолоченными рогами!—подхватилъ другой. —Его разнимутъ для нашей брашны; и про насъ не забуду, хопъ Панъ экономъ, ножъ въ бокъ ему проклятому, и скорчилъ рожу, когда ему приказъ отдавали.

— А по чьей милости и пиры и разгулье,—сказалъ третій холопъ. —Дай Богъ здоровье нашей молодой Паночкѣ. Она что скажетъ, то и свято. Задумала пиръ созвать, дѣло сдѣлано; а нашъ Панъ Прокопій и бочку золопа для миловидной дочки не пожалѣетъ!

— Эхъ, брашеньки!—прервалъ Шляхпичъ, до сихъ поръ въ молчаніи слушавшій разговоръ ихъ. — Всѣ вы толкуете, а никто не знаетъ насущаго дѣла. Спросили бы меня, такъ

я скажу вамъ, опть чего у васъ шакъ въ хоромахъ зашевелилось!

— Ну, скажи, Панъ Шляхпичъ! Ваше дѣло грамошное; а опть пріятелей шаипься нечего.

— Къ чему шупть грамоша?... Никпо шакъ не подползепть лисой къ своему Пану; никпо шакъ не подслушаепть у двери, какъ я. Иной все спалъ, да ничего и не выспалъ; а у меня много въ головѣ!...

— Какъ же намъ не знашь удалъ-спива швоего!—подхвапили всѣ въ одинъ голосъ. — Но въ чемъ дѣло?

— А вошть въ чемъ: Собрались наши Панове сюда не впрямъ для пированья, а будупть полковашь о дѣлѣ и думу думашь. Въ Жипомирѣ и Бердичевѣ собирается Шляхша. Всѣ шамошніе Панове грудью спояшть за Короля Спани-

слава; такъ и наши хопяпъ шуда же; а вашъ еще не подавалъ голоса. Нынче будетъ совѣпъ, и спанупъ шракпювалъ съ вашимъ паномъ Прокопьемъ. Дай-по Боже быпъ дѣлу; шогда бѣ я на коня, да за саблю! (*поправляетъ кушакъ и крутитъ усы*) Уфъ! какъ разыгралось бы сердце молодецкое!...

— Такъ и надо вашему брапу. Ты шляхпичъ, не все за Паночками хвосты носишъ; пора и въ поле. А сдается мнѣ, брапе, что нынче ничего не удумаютъ наши Паны. Какъ зашумипъ въ головахъ, такъ ужъ съ горѣлкой плохая дума. Молодые запрыгаютъ подъ бандуры, да рога; спарики закричатъ, завопятъ, какъ на Сеймахъ: не pozwolam!... и разъѣдутся!... Ужъ придетъ дѣло не до Короля Спанислава, а...

Вдругъ сильный ударъ бича по спинѣ принудилъ замолчать краснорѣчиваго холопа.

Всѣ вздрогнули и вскочили съ мѣспѣ своихъ!

— Чшо вы шупѣ лопочите, бѣсовы дѣши!—раздался суровый голосъ Панскаго эконома. — Ваше ли дѣло ясновельможныхъ шракшоваѣ. Запорю бапогами до смерти. Швидѣѣ въ хоромы!...

Холопы, почесываясь, пошли вверхъ по лѣшницѣ, и Шляхпичъ поглядѣлъ сурово на полскаго эконома; но угрюмый видъ его и грозный бичъ смирли высокошляхепную гордосѣ; и повѣся голову, удалецъ опсправился къ другой полтѣ холопей съ разсказами. Мы же посмошримъ между шѣмъ, чшо происходило во внушренныхъ покояхъ.

Въ великолѣпной, роскошно освѣщенной залѣ, украшенной поршпрещами славныхъ предковъ владѣльца и разноцвѣтными гербами, засѣдали ясновельможные Паны въ бархатныхъ Польскихъ куншушахъ съ золошымъ шипьемъ, покручивая усы, у иныхъ низпадающіе до самой груди. Почпи у каждаго сѣдина положила серебряную печашъ масшипныхъ лѣшъ; и время опъ времени опоражнивая подносимые бокалы, Паны спановились веселѣе. Важный предметъ совѣщанія заспавлялъ ихъ горланишъ до того, что прещали спекла, и почпи не слышно было звуковъ роговой музыки, гремящей въ сосѣдней залѣ.

Эпопъ залъ, освѣщенный и убранный еще лучше прочихъ, соспавлялъ разишпельную пропивоположностъ перваго. На великолѣпныхъ хорахъ гремя-

ла музыка. Въспо сѣдыхъ чупринъ и усовъ здѣсь яснілись миловидныя личики прекрасныхъ Паночекъ; въспо сиплаго крика полупьяныхъ Пановъ, мелодическіе звуки вылепали изъ розовыхъ устъ. Здѣсь прекрасный, какъ Купидонъ, Pan Regimenter, жалъ ножку черноглазой брюншкѣ; шамъ еще глазки голубые, сѣренькіе, маленькія ножки, прекрасныя ручки, шалии полненькія, кругленькія, спройныя, какъ пальмовая вѣтвь; высокія накрахмаленныя оборки, жемчужныя, коралловыя ожерелья, бархатныя кунпуши съ перехватомъ, каблуки и каблучки, усики и усы закрученные *pas plus ultra*; улыбки, улыбочки и гримасы, громъ музыки, шопшъ, ропшъ несчастныхъ половъ, раздираемыхъ шпорами, — вопъ ясный фронписпись эшаго зала!

Но между всѣхъ красшъ, между

всѣхъ цвѣшовъ южнаго края чпо эпо за цвѣпокъ, кошорый всѣ другіе заглушаептъ своимъ аромапомъ?... Эпо дочь Пана Лодомирскаго, юная Магдалина. Прекраснѣе всѣхъ прелестницъ, описанныхъ въ спарыхъ, среднихъ и новѣйшихъ романахъ, очаровашельнѣе ихъ своей непринужденной ловкостью, она одной искрой лазоревыхъ глазъ своихъ могла зажечь кровь въ молодыхъ соопечественникахъ, однимъ мановеніемъ руки могла собрать около себя толпы обожашелей, и, кажепся, довольно было одного ея слова, чпобъ всѣ ясновельможные безъ милосердія перерѣзали другъ друга; но крошкая, миролюбивая и невинная Магдалина, какъ дпша, радовалась окружающему веселью. Въ пѣ времена, какъ и въ наше, общесства и вечеринки Польскія опличались непринужденной волнкостью обра-

щенія; и хопя упомишельныя кадрили,—
 плодъ изысканности танцмейсперовъ,—
 еще не были извѣсны; но Polonaise
 и Краковякъ были издревле обширное
 поприще для дамскихъ ножекъ, прыж-
 ковъ и каблуковъ.

Ничто не вѣчно!... сказалъ кто-то
 изъ древнихъ. Да и въ наши времена
 говорятъ многіе. Такъ кончилось и
 шарканье прекрасныхъ ножекъ. Изъ
 боковаго зала показались одинъ за дру-
 гимъ полспобрыхіе Паны, слишкомъ
 обремененные своими думами и виномъ.
 По фізіогноміямъ ихъ можно было замѣ-
 шить, что въ совѣшъ ихъ не положе-
 но ничего рѣшишельнаго. Пробылъ часъ
 за полночь. Вкусный, роскошный споль
 ожидалъ къ себѣ сласполюбивыхъ го-
 спей; а пошому Панъ Прокопій Лодо-
 мирскій не разсудилъ долѣе мѣшкашъ,
 и повелъ своихъ пріятелей въ споло-

вую. Бѣлый лебедь съ золопымъ гербомъ, изукрашенный въ полномъ смыслѣ *Панской* рукою, рябчики, гуси, утки, индѣйки, пашпешы, пампушки, пироги, разныя сласти и дорогія вина. Какое поприще для хорошаго гаспронума!... Всѣ усылись безъ дальнихъ церемоній. Прекрасный полъ еще болѣе услаждалъ вкусъ аппешипныхъ гостей. Честолобивые Паны, разгоряченные винными парами, молодцовали другъ передъ другомъ, и чпобъ заслужипъ улыбку своей богини, каждый спарался чпо нибудь разсказать о своей храбрости, неуспрашимости, обращая свои фанпаспические набѣги непременно на Гайдамаковъ и Украинскую вольницу, копорая была первымъ предметомъ ихъ ненависти.

— О, знаю я эпо проклятое зелье,— сказалъ одинъ шолспый Панъ, поглажи-

вая себѣ брюхо. — Впиши дзябли, камень бы имъ на шею, да въ воду! Оппали опъ Королевской власпи; кричащъ, чпо они на службѣ Царю, Опечесиву, а живутъ грабежами. Какая же служба!... Да еще какъ бы не мы укорачивали имъ руки, не по бы и было!

— Да, правда швая, браще, — прервалъ другой Панъ, оширая усы, небрежено выкупанные въ бокаль. Случилось мнѣ въ прошлое лѣпо, — при осмопрѣ мельницы, напкнущься на шройку эшихъ мародѣровъ. Очень хилы, бѣсовы дѣпи! Одного пулей за разъ ссадилъ я съ коня. Живущъ, прокляшый, дорѣзалъ саблею; другой ускакалъ безъ оглядки, а прешьяго мельники скрушили; и шеперь еще хлебаешъ уху въ гниломъ колодцѣ!

— А ко мнѣ,—прибавилъ рыжій, су-
хощавый спарикъ,—пріѣхали подѣ са-
мыя окна чловѣкъ десяти эшой сво-
лочи. «Давай горѣлки, давай хлѣба!
А не по зажжемъ анбары!» кричащѣ
окаянные. Я подумалъ: нечего дѣ-
лашѣ, приходилсѣ угоспишѣ ихѣ по
своему. Велѣлъ приняшѣ ихѣ въ
спарый, пусшой флигель, накрышѣ на
споль, принеспи вина; заперѣ ихѣ
шамѣ, да и запалилѣ съ чешырехѣ спо-
ронѣ....

— Чшобѣ шебѣ языкѣ спалишѣ
бѣсову сыну!... раздалсѣ грубый, оп-
врапишпельный голосѣ посреди споло-
вой.

Всѣ Паны вздрогнули, дамы поблѣд-
нѣли опѣ ужаса, молодежѣ бросиласѣ
къ садовымѣ окнамѣ, но шамѣ было
все шихо; шолько по временамѣ загу-
далѣ въшерѣ. На дворѣ же напро-

пивъ былъ чрезвычайный шумъ около бочки, гдѣ недавно началась попойка Панской челяди. Эпо обспояпельспиво дало другой оборотъ. Всѣ предположили, что слышанныя слова были слишкомъ громко произнесены къ нибудь изъ пьяныхъ холоповъ своему товарищу и пришли такъ кспаша, а въ споловую донесли черезъ раскрытое въ боковой залѣ окошко. Собраніе успокоилось, и рассказы приняли свой прежній видъ.

— Со мной еще и не то случилось, — продолжалъ чепверпый Панъ, съ гордоспью озираясь на своихъ собесѣдниковъ. — Однажды, когда я на охотѣ пошерялъ своихъ хлопцевъ и ворочался домой одинъ, погода была сырая, холодная. Заѣзжаю я въ шинокъ, спрашиваю вина, сажусь за споль.... Вдругъ и нагрянулъ! Кшобы ны ду-

малъ? Чпо ни самый удалецъ изъ
вольницы Слыхали вы когда нибудь
объ Халенкѣ?

— Слыхали, слыхали! — опвѣчало
нѣсколько голосовъ.

— Вопъ онъ-шо, вражій сынъ, дол-
го будешъ онъ меня помнишь!... Вбѣ-
жалъ въ шинокъ, и чпо на диво, одинъ
одинѣхонекъ. — Здравспвуй, Панъ Ло-
повичъ. Угощай-ка меня горѣлкой, да
выгружай свои гроши. — «Вино пей
пожалуй,» опвѣчалъ я, «а до грошей
моихъ шебъ далеко!» — Посмотримъ,
Пане,—опвѣчалъ окаянный, и принималъ
ся за саблю. Мнѣ ли оробѣшь? Я
шопчасъ выхвашилъ свой охотничій
япаганъ.... Вѣдь вы знаете, чпо я не
прусь....

— Знаемъ, знаемъ!—подтвердило все
собраніе. Дамы улыбнулись.

— Я не далъ опомниться супо-
спашу; схватилъ его за горло и...
(надвигая себѣ волосы на лѣвую сто-
рону) и опсѣкъ ему лѣвое ухо!... По-
помъ приподнявши...

Тупъ слова замерли на губахъ Пана.
Онъ поблѣднѣлъ и замолчалъ.

— Чпо съ побой сдѣлалось?—вскри-
чали вдругъ нѣсколько госпей; иль въ
горлѣ чпо оспановилось, Пане?...

— Ничего, такъ, » опвѣчалъ Панъ,
оправясь и поглядывая съ робоспью
на окошко. — Приподнявши, я выбро-
силъ его изъ окна. Шинокъ былъ
довольно высокъ. Долго будешъ пом-
нишь эпопъ скачекъ. Гайдамакъ про-
кляпый!...

— А пы и по смершь его не забу-
дешъ, Пане Лоповичъ, — раздался опяшь
попъ же грубый голосъ. Среднее
окно въ садъ, которое прежде все по

немногу опшверялось, наконецъ вдругъ раскрылось настежь. Спрашная голова, съ черными усами и длинной чуприной высунулась къ госпямъ, а въ другія два окна шакже глядѣли звѣрскія хари!...

Какъ громомъ пораженные, сидѣли Паны, не смѣя двинуться ни однимъ членомъ. Ни одного звука не слышно было въ собраніи!... Куда дѣвалась храброспъ ясновельможныхъ?... Дамы закрыли себѣ головы, а нѣкопорыя попадали съ кресель.

Въ шу же минушу Халенко (ибо эшо былъ онъ) вскочилъ въ споловую; за нимъ вслѣдъ въ одно мгновеніе вся комнапа наполнилась козаками. На дворѣ въ эшо время раздался ужасный свиспъ и шумъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ выпсрѣловъ!

— Берите, брашеньки, эпихъ без-
мозглыхъ!—закричалъ Халенко повари-
щамъ.—Вяжите крѣпче, якъ поросяптъ,
и сваливайте въ уголь; а начинъ съ
эшого Ляха, копорый выбросилъ меня
за окошко. Ну, ясновельможный!... вспа-
вай швидче!...

Бѣдный Панъ, согнувшись въ дугу
опъ храброспи, былъ пошчасъ свя-
занъ по рукамъ и по ногамъ; за нимъ
всъ, не исключая Лодомирскаго, имѣли
пу же учаспъ и были положены въ
совѣщательной залѣ, на полу, какъ
жалкія жертвы своей неуспрашимо-
спи. Пьяная челядь ихъ на дворѣ
шакже въ свою очередь была перевя-
зана.

—Ну, хлопцы,—сказалъ Халенко, упра-
вившись съ Панами;—теперь давай пи-
ровапъ съ бѣлорукими Паночками; при-
шла и намъ чередъ. Садитесь по мѣ-

спамъ; наливай ковши!... Ну, поцѣлуй же пы меня, моя коханочка!...

Онъ обнялъ блѣдную, препещущую Магдалину и коснулся нѣжныхъ, поблекшихъ успъ ея.

Жалко было смошрѣть, какъ полпа буйныхъ госпей, съ звѣрскими лицами, уствшись за споль, разсыпала свои медвѣжьи ласки на лучший цвѣшокъ Польскихъ Шляхсянокъ!... Ихъ грубыя руки, закаленные въ бипвахъ, осмѣливались прогашъ нѣжныя формы; щетинистые усы прикасались къ ароматическимъ успамъ успрашенныхъ Паночекъ; но дѣлапъ было нечего: необходимость заспавляла покориться силъ!

Уже около часа продолжалась козачья пирушка. Связанные Паны, скрежеща зубами опъ злоспи, слушали разговоры вольницы и испускали пия-

желые вздохи, какъ вдругъ на лѣспни-
цѣ послышался шумъ и нѣсколько но-
выхъ голосовъ.

— Вошъ ясновельможный Папроне!
Здѣсь они перевязали нашихъ Пановъ,
да и пируютъ, какъ госпи,—кричалъ
почпи плачуцій голосъ близъ самыхъ
дверей споловой. Онѣ отворились на-
спежь, и двое молодыхъ людей вошли
въ комнапу.

Одинъ изъ нихъ былъ высокаго ро-
ста, пріятной наружности и могучаго
сложенія. Въ черныхъ глазахъ его бли-
спала отвага. Товарищъ его былъ, по
видимому, равныхъ съ нимъ лѣтъ и
также не дуренъ собою. Платье ихъ
было различно. Первый былъ одѣтъ
совершенно въ одинакомъ видѣ съ ко-
заками Украинской вольницы, а второй
по Польски. У обоихъ сверкали сабли
и за плечами двуспвольныя винповки.

Старый Ляхскій холопъ, при вхождѣ ихъ, прятался за ними.

Нѣсколько минутъ смолчали молодые люди безмолвно на полупьяныхъ казаковъ. Видъ угнетенныхъ Паночекъ, а особливо умоляющій о состраданіи взоръ прекрасной Магдалины, казалось, пронули ихъ до глубины сердца. Наконецъ первый незнакомецъ прервалъ молчаніе.

— Ну, брашъ, Халенко, я не узналъ тебя. Прежде ты на красныхъ дѣвицъ и глядѣшь не любишь, а теперь саблю и пулю промѣнялъ на Панины глазки. Эпо не козачье дѣло. Да какъ ты попалъ сюда? Давно ли здѣсь пируешь?...

— Лучше скажи, якъ ты на насъ наѣхавъ, Пане Войнаровскій?—спросилъ Халенко, осушивъ бокаль вина однимъ разомъ.

— Какъ я наѣхалъ? Опправился за фуражемъ до Жидовскаго мѣспечка. Тамъ заспалъ вошъ и друга Пана Ясельскаго. Оппуспивъ брапеньковъ, ѣдимъ обрапно лугомъ. Вдругъ вошъ эппошъ Ляхъ съ воємъ бросился лошади подъ ноги; кричинъ, чпо наша вольница безъ вины сгубила его добраго Пана. Меня взяла охота посмопрѣшь, чпо здѣсь дѣлаешся. Вошъ и заѣхалъ сюда съ Паномъ Ясельскимъ; а ужъ не ожидалъ молодца Халенку заспашъ за шакой рабопою. Кпо шебя посмалъ сюда съ хлопцами, брапне?

Эппошъ вопросъ, сдѣланный неожиданно, примѣпнымъ образомъ смущилъ Эсаула. Онъ вспалъ изъ-за спола; козаки шакже были въ смущеніи.

— Чпожъ не говоришь, брапенько? Видно самъ куренной посмалъ

себя храбровашь около Панскихъ дочекъ?

— Полно, пріятель; брось пустыя рѣчи,—опшвѣчалъ Халенко. Бѣда ли, когда вольному казаку придетъ охопа погарцоваши?

— А вѣрно знаешь, чѣмъ плапаятъ за это гарцованье башкѣ Палю? . . . Эхъ, друже, съ наказомъ бей Жида и Ляха, а безъ наказа не сприги и бараньей шерспи. Что сдѣлалъ тебѣ добрый Панъ Лодомирскій? Про него никогда не доходило въ Сѣчѣ дурное слово.

— Охъ, видно покаяться тебѣ, какъ попу Даниль, Пανε Войнаровскій. Я же люблю тебя, какъ душу; а опъ друга ничего не скрыпо.

Послѣ сихъ словъ Халенко опшвелъ Войнаровскаго въ другую залу, и пока они говорили между собою, Яссельскій уптѣшалъ Магдалину. Ободренные Пан-

ны видѣли въ двухъ незнакомцахъ из-бавипелей, посланныхъ самимъ небомъ.

— Ну, другъ Халенко, умѣль начашь, умѣй и кончашь,—сказалъ Войнаровскій, войдя съ нимъ въ споловую. Чшо сказано, шю было бѣ и сдѣлано. Въ шомъ дѣлѣ я шебѣ не помѣшаю, а добраго Пана оспавъ въ покоѣ!

— Въспимо шакъ. Казакъ слову господинъ! Ну, хлопцы, будешъ пировашъ; пора на коней!... Развяжите одного Пана Прокопья, а пусшь онъ ко-го хочешъ, самъ развяжешъ. Прощайше, коханочки, спасибо за ласки!

Всѣ казаки бросились изъ хоромъ. Лодомирскій былъ свободенъ, и тысячи благословеній изъ прелесныхъ устъ посыпались Войнаровскому, копорый сдѣлалъ невыразимо пріятный поклонъ Магдалинѣ, и въ сопровожденіи своего шоварища оспавилъ замокъ.

— Навѣщай насъ, добрый Пане ко-
заче!... кричали Войнаровскому въ слѣдъ
множесство голосовъ. Не хай самъ
Богъ тебѣ за наше счастье запла-
тишь!...

Въ полминуты козаки были всѣ на
лошадяхъ, и только опдаленный по-
пъ глухо звучалъ по зыбкому мос-
ту.

Долго, очень долго (гласить пре-
даніе) храбрые Паны не могли за-
быть незванныхъ гостей.